

ЗАВОЙКО ВАСИЛИЙ СТЕПАНОВИЧ. АВТОБИОГРАФИЯ

По поводу точной даты рождения Василия Степановича Завойко существуют разногласия. Вместо принятого ранее 1809 г. в Советской Военной Энциклопедии (1972 г.) и Большой Советской Энциклопедии (3 изд. 1977 г.) указан 1810 г. Подтверждение этому мы находим в автобиографии В. С. Завойко, который сообщает: «Родился я в 1810 году, июля 15 дня...» Полностью Автобиография печатается впервые. Представлена Киселевой Натальей Сергеевной. Документ выявлен в РГА ВМФ, Ф. 1365. Оп. 1. Д. 3. Л. 1–9. В тексте сохранена орфография автора.

«Вот я посажен на корабль житейский, на котором совершится плавание тихое и безмятежное и достигается пристань, где нет плача и вздыхания, а жизнь вечная. — А иначе сказать, я определен в генерал Аудиториат последний конец поприща от деятельной службы, значит, я древность, мне остается заботиться о переходе в другую жизнь, а потому, я считаю долгом к вам любезные мои дети, розсказать вам всю мою жизнь совсею откровенностью, дабы вы видя мой путь жизни и сами будучи образованы могли следовать о пути моей жизни и избирать есть лучшее. Родился я в 1810 году июля в Молороссии Полтавской губернии села Прохоровки. Родитель мой был очень сурово-строгий, а мать нежно кроткая, они имели ограниченное состояние, и потому, я с малых лет знаю, что значит нужда. Родитель мой сам обучал меня грамоте до 7 лет, но с которого года начали меня обучать, этого я не помню. Помню часто отец колотил меня, а я был порядочный деревенский шалун и любил ползать под деревьями, подстреливать из лука дворовых птиц, а чуть плохо стояли наливки, сливянка, дулевка, грушовка, то я добирался до них, аж и теперь вспоминаю, какие они были вкусны, так что ежели бы они были налицо, то кажется я соблазнился и теперь опробывал бы их; а тогда помнится не раз случалось, что я их пробовал чрез меру, что очень огорчало мою маменьку. На высоком году отвезли меня в город Переяславль, наняли квартиру и оставили при мне няньку и я ходил учиться а семинарию Макарьевского Монастыря. Отец мой имел намерение направить меня по своей дороге доктором. Проучился я с полгода, обратился домой в деревню на каникулы, где помнится хорошие дни были для меня, бабушка моя жившая в 8 верстах от нас, очень меня баловала, но это продолжалось недолго. Мы жили у самого Днепра реки, и я влез в какой-то човн (так в документе. — Н. К.), стоящий у берега реки, ворочал его и не заметил как течение реки подхватило и понесло, и я очутился далеко внизу реки. Дома схватились меня и узнали, что я шалил в човне, човна нет, то и начали оплакивать меня, как погибшего. Меня привез мужик из низовой деревни, куда меня принесло. Отец, конечно, распорядился меня... и потом присудил, так как я имел забаву при первой возможности попасть в лодку, когда рыболовы отправлялись ловить рыбу, то там начал уже совершать плавание в човне, то и присудил быть мне моряком.

1818 году повез меня отец в город Николаев, поместил в Штурманское училище, чрез полгода отец переехал сам жить в Николаев и поступил на службу в Морской Госпиталь, а мать осталась хозяйничать в Прохоровке, и я поступил жить к отцу.

Тут началась страдальческая моя жизнь — ибо как теперь соображаю и припоминаю, то обучали меня без всякого толку, колотили, принуждали просиживать за книгой не только целый день, но и ночью, что меня очень злило, строгость отца моего доводила до того меня, что я помню однажды три дня и ночи не приходил домой и провел их на дворе на вершине стога колючего бурьяна, имея намерение голодною смертью умереть, но не допустить себя донимать. Меня нашли уже в изнеможенном состоянии. Я вам расскажу жизнь мою одного дня. Мы жили от штурманского училища в 4-х верстах куда я и ходил учиться, т. е. делал 16 верст в день, а иногда в очень дурную погоду и возили меня, по возвращении из классов, отец ревизировал мои отметки в поведении и учении и чуть какая неисправность, то сей час, командовал: «давай тройчатку!» и ею наказывал жестоко. Кроме того, отец учил сам нас в рассказах географию и историю и наказывал за забывчивость, — по вечерам всегда мы должны были сидеть за книгами и готовить уроки и хотя выучишь урок, но из-за стола не смогли уходить, бывало отец уходил вечером, что каждый день случалось (он любил играть в карты), а мы не смели спать лечь и на книгах спим и добрая наша няня прислушивалась и как заслышит стук колес, то нас будет и умывает, и ежели успеем быть в порядке сидим за книгами и громко читать наши уроки, то заслуживали похвалу и ласки, а ежели няня заспит с нами, то тогда достанет нам и няне. Отец смотрел как мы раздевались, учил нас складывать платье в порядок, укладывал спать, поутру будил наблюдал за одеванием, молился Богу с нами, поил нас чаем и отправлял в училище.

Беда была неминуема ежели случалось разбить какую вещь, такие строгости отца довели меня до лжи, но здесь я расскажу вам один случай, из которого вы увидите, что кажется ничтожный случай, но он впоследствии моей жизни охранял меня от худой склонности развитой в России как грабить казну, в бедном классе чиновства, как они говорили: «доить ее как козу», и вылечил от развивавшегося уже волны порока лжи. Крепостной мальчик годами тремя старше меня жил при нас для услуги, он нашел на улице пяти-алтынный и не знал куда с ним деваться, в это время я разбил какую-то вещь, беда неминуема ожидала меня. Мальчик вызвался купить эту вещь и издержал пяти-алтынный. Я за оказанную им услугу пособлял ему исполнять его дело, наконец этот мальчик начал заставлять меня исполнять его дело, а когда, бывало, отец пошлет меня с ключами в кладовую, то мальчик нецеремонно берет что ему угодно и сколько угодно, я, бывало, стану говорить: не хочу работать, не смей брать вещей, он в ответ грозился сказать отцу о разбитой вещи, и кроме того, что я позволял ему брать и насильно давал разные разности из кладовой, дабы задобрить его, чтобы он не сказывал о разбитой вещи. За таковые поступки мальчика, я с братом своим однажды, когда отца не было дома, вооружились палками и отдули мальчишку, так что и знаки на нем остались. Мальчишка пожаловался отцу, но не высказал о пяти-алтыннике, а шипел сквозь слезы – шесть гривен... Отец не мог добиться толку, надрал нам уши, побранил и беда кончилась за побои мальчика, но не кончилась наша зависимость от мальчика по пяти-алтынному. Мальчик умел нас держать в своей зависимости, это продолжалось с год времени, пока маминька не приехала их деревни, которой я немедленно рассказал свое горе, и она вывела меня из беды, и при том разъяснила мой поступок, и ее нравоучительное наставление: «Никогда не ставить себя поступками в зависимость кого-нибудь себе равного, а не только быть в руках кого-нибудь из плебейского рода и входить с ним в грязное дело и потом чтобы под его дудку плясать и поневоле входить в худые поступки...».

Бывало, меня приглашали в молодости поживиться казенным добром, но я сразу вспоминал наставление маменьки и тот стыд, который перенес, работая за слугу и отвергал соблазн. Словом, эти шесть гривен оградили меня в моей жизни от многих зол.

Маменька гостила обычно по несколько дней и уезжала в Прохоровку хозяйничать, дабы найти средства для обучения своих сыновей. Так проходила моя жизнь до 1821 года, когда меня перевели в гардемарины Черноморского флота и отправились в первый раз в море на бриг Мингрелия под командой капитан-лейтенанта Станюковича. Он содержал гардемарин очень строго и заставлял исполнять все матросские работы. Со мною поступило новичков к морю моих сотоварищей 35. Я как выше объяснял был приучен, что мне прислуга не нужна была, помню с переходом на бриг капитан нам рассказал, как мы должны жить, затем наделили нас койками... Тут, конечно, на первый раз как мы новички, старшие гардемарины потешались над нами разными выходками, выпить и закусить давали, и полундру, и ...попробовали наши характера, и соответственно находили применение и давали названия по своему. Конечно, вам любопытно чай знать, какое мне присвоили название, мне кличку дали Кобчик, одному моему товарищу знакомому вашему Мишину дали кличку верзило-точило – так всех нас живо переминовали и эти именованья остались. Когда мы вышли и в офицеры и даже в старости. Я как и ныне встреченный с Мишиным, то язык так и чешется сказать: «Здравствуй верзило-точило-баламут», это его третье наименование, другому три именованья давали в подражание испанцам. Я живо усвоился к рейдовой морской жизни и на шутки в долгу не оставался, бывало дотерплюсь – но не пропущу, а когда сила не брала, то ловкость помогала и жизнь на судне мне понравилась.

Но вышли в море, начало покачивать, я помню стал сам не свой, почувствовал неохоту, дай, думаю себе поленюсь и не пошел на вахту. Но капитан наш был деятельный человек, он стал повторять, нет Завойки, а что значить укачал, давайте сюда Завойку – раздалась кличка в палубу Кобчик на верх – Кобчик без крыльев не летит – силы нет, не могу – тащить можно.

Капитан потребовал своего загребного катерного матроса – фамилию этого молодца и физиономия не изгладилась из моей памяти, он назывался Левка Семенов – Левка принеси сюда Завойку. Левка сцапал меня и представил пред капитана, что укачало – укачало, не могу. Какой же ты будешь капитан, когда тебя будет укачивать и далее и далее полились нам наставления и угрозы. Затем вопрос ну говори будешь на вахту выходить и будешь стараться, чтобы тебя не укачивало – я ответил – не знаю. Как не знаешь вспылил мой капитан, ну так я тебя поучу – Левка, снеси его на марс привяжи и отдал приказание вахтенному лейтенанту не спускать, пока я не дам слова, что укачивать меня не будет. Поташил меня Левка Семенов и прикрепил на марсе. Я изнемогал, рвало меня кровью, дрог я от холоду. Не знаю, сколько часов прошло, наконец, собрал силенки и запищал на родном языке: «Ой лышечко, исть хочу, холодно – развяжите, дайте утопиться». Дали знать капитану о моем питании, он послал Левку Семенова, развязать меня и переправить к нему. Левка развязал меня и помню сказал: ну ваше будущее благородие, скушайте кусок сухаря и я вас сведу наниз, отсюда с марсу топиться неловко, упадешь неровно на палубу, зашибися только а не утопитесь, а оно ловчее будет, когда я препровожду вас на палубу и потом топиться. И так Левка представил меня капитану. Капитан опять полил на меня нравоучения, а в заключение сказал, вот, что ты кушать хочешь, это хорошо, есть надежда на тебя что у тебя упрямство, и это в море качество бывает нужно, но видимо тебе до этого еще далеко, а упрямиться противу начальства недолжно. Накормить его, и потом на галюн привяжут, пусть соленой водой вымоет его «с первых дней службы познает, что топиться на службе нельзя. Ветер был очень крепкий. Нос нашего брига уходил в воду. Меня привязали на галюн и меня начало обкачивать водою, я продрог до костей и наконец дошел в бесчувственное положение. Как меня сняли я не помнил себя, но чувствовал, знаю, что за мною ухаживали материнским участием. Капитан нас подчивал чаем и ласкою делал наставления, и я чрез день вышел на вахту, и был в полном посвящении к морю, хотя качка и приступала, но марс, галюн, придавали мне живость.

Так точно капитан наш приучал нас можно сказать по первому взгляду жестко и к работам на корабле, но как он был сам также что не было никакого исключения во всех работах, которой бы сам он не сделал для примера, то мы его полюбили и извиняли его горячность и ныне я с почтением на этого старца смотрю, бывало он обучал нас ловкости скакать на рею, а Левка Семенов, как стойка собаки позади всех следит, на случай, кто из нас промахнется, то Левка подхватит.

На учении капитан первый прыгал на рею, но ежели кто за ним не последует, то он станет в другой маневр позади того и безцеремонно, когда наступит время, то он труса и толкнет изо всей силы в шею и прибавляет, чего трусишь Левка поймает, когда полетишь. Теперь я на последнем корабле Генерал Аудиториата служение провожу, – а все скажу, спасибо Г. Станюковичу, он нас хотя к труду обучил, ибо чтобы с нас было; нас обучали наукам без всякого толку, и ежели бы мы к этому еще были изнежены, то ныне пропащее бы дело было, да и вся жизнь прошла бы в тягость.

По рассказу моему выше дни на берегу и посвящение меня к морю, так мое воспитание прошло год за годом; гардемаринном четыре компании на море сделал, и конечно, потешался и сам над новичками, также как и сам вынес, и наконец наступил 1826 год в который 25 сентября я был произведен в мичманы, мне тогда не вполне исполнилось 15 лет. К выпуску моему в офицеры приехала мать моя из деревни, прожила до отъезду моего из дому, предстоящая разлука моя с нею ее убивала, она помню горько плакала и не отходила от меня, она плакала и просила меня, чтобы я не пил вина, шалость моя что я на сливянку нападал, когда они плохо стояли, наводила опасение маменьки, что я сделаюсь пьяницей и острамлю ее и она требовала со слезами памяти к ней, когда я возьмусь за рюмку, то вспомнить бы ее слезы и это наставление сделало то, что действительно я до 23 лет, ежели когда выпивал рюмку вина, то не иначе как по принуждению силой тут слезы маменьки меня преследовали, так и во многом. Пред отъездом моим мать со слезами просила меня не делать другого и требовала

дать слово. Ах, любезнейшие дети, ежели бы я все помнил, что мне мать со слезами говорила и все исполнить по ее наставлениям, то мне легко бы было глядеть на конец моей жизни и не имел бы я печали страшной, что мне ожидать за гробовой доской.

Я с маменькой разстался в марте 1827 году и больше не виделся. При разставании по ее запросу она требовала от меня обещаний с клятвой и в случае я не выполню ее завещаний, то она грозила отказаться от меня – эти запреты составили первое: чтобы я никогда не забывал, что жизнь мне не принадлежит, ибо я присягу дал пред Христом и Евангелием, отдать жизнь на службу царю и отечеству, второе: напомнила мне про шесть гривен и приказала во всю жизнь помнить, и никогда не допускать себя до бесчестных поступков и лжи. Для пояснения я долже вам сказать, что мать моя был родом дочь казацкого полковника Фесуна, которому по покорению Крыма Государиня наделила землею и часть казаков с которыми он гарцевал, прикрепила к земле – то маменька моя проникнута от своего отца рассказами о казацких похождениях, настроили и мое воображение рассказами и приготовили меня козаковать жизнь, в таком настроении собрались вся семья отправить меня козаковать, три раза все при силе и по слову отца три раза встали помолились при родительских иконах и со слезами благословляли меня каждый член семейства по старшинству и разprosались и я 15-летний отправился на перекладной из Николаева в Кронштадт в Балтийский флот. Я слезно плакал, колокольчик не давал мне забываться, наконец раздумывать стал, как я заслужу радости маменькиной и возвращусь домой, навезу подарков родным, эти фантазии возбудили во мне нетерпение и я стал понуждать ямщика ехать поскорее – ямщик был из хохлов и видел мои проводы из дому, то на понуждение мое вошел со мною в разговор, куда я задумал спешить, разве мне нужно к спеху, не упомяну моего с ним разговору, но твердо мне осталось в памяти то, когда подъехали к станции, то он закричал: эй наискорейше пан смотритель давайте коней – панич офицер на войну поспешает». Так и пошло передавать по станциям, что я на войну поспешаю и смотрители посмеиваясь покрикивали: «Запрягай живей офицер на войну спешит», и так я доехал в Петербург – признаюсь, досадовал на земляка ямщика не один раз, что он воспользовался моим разсторонным воображением, и выпытал у меня зачем я еду и поднял меня на смех во весь путь, этим уроком я воспользовался, что болтать в жизни не годится.

По прибытии в Петербург я явился и разнес рекомендательные письма».

Е. С. Золотарева

ЗАПРЕТЫ И ОБЫЧАИ ИТЕЛЬМЕНОВ В КНИГЕ Г. В. СТЕЛЛЕРА «ОПИСАНИЕ ЗЕМЛИ КАМЧАТКИ»

Георг Вильгельм Стеллер родился 10 марта 1709 г. в Виндсгейме – путешественник и натуралист, по национальности немец, участник Второй Камчатской экспедиции.

Книга «Описание Земли Камчатки» явилась главной его творческой работой. Первое издание книги Г. В. Стеллера было опубликовано в 1774 г. на немецком языке и оставалось в России малодоступным для широкого круга читателей. Полностью труд Г. В. Стеллера был издан на русском языке впервые в 1999 г. и, что примечательно, именно на Камчатке.

В данной книге полно представлены верования и обычаи ительменов. Культура ительменов – одна из древнейших на Камчатке и наиболее исследованная у Стеллера. Ительмены, описанные Г. В. Стеллером в публикуемом труде, оседлое, наиболее многочисленное в прошлом население полуострова, пережившие за последние 300 лет значительные изменения. Колониальная политика России, о которой резко отзывался Г. В. Стеллер, жестокое подавление сопротивления ительменов в первой половине XVIII в. заметно сократили их численность.